

ВЛАДИМИР АРИСТОВ

ПО НАШЕМУ

МИРУ С ТЕТРАДЬЮ

(ПРОСТОДУШНЫЕ СТИХИ)

РУССКИЙ

ГУЛЛИВЕР

Владимир Аристов

**По нашему миру с тетрадью.
Простодушные стихи**

НП «Центр современной литературы»

Аристов В. Н.

По нашему миру с тетрадью. Простодушные стихи /
В. Н. Аристов — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-152-2

В книге «По нашему миру с тетрадью (простодушные стихи)» делается попытка совместить несовместимое: лирику и простодушный рассказ о впечатлениях, которые пережил кто-то другой, сбивчивый и противоречивый отчет о ничтожных событиях, затерявшихся где-то в нашем мире, но становящихся на глазах необъяснимо важными, с апокрифами, что преобразуются в пестрый очерк времени. Субъект стоит на пороге решительных изменений: прежде единственный хранитель явлений, он способен теперь погрузиться во множественность узнаваний-неузнаваний других жизней и жить не растворяясь, но изменяясь вместе с ними.

ISBN 978-5-91627-152-2

© Аристов В. Н.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

О новой книге Владимира Аристова	7
«...но оказалось, что “Трансаэро” собак и кошек не берет на борт...»	9
«После дождя на детской площадке...»	10
«из-под земли метро на “Юго-западной”...»	11
«В остановившемся лифте...»	12
«Цыган спустился с неба с парашютом...»	13
«Залившись пьяными слезами...»	14
Летающие камни	15
Синее ведро с белой ручкой	16
Короткий разговор	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Владимир Аристов По нашему миру с тетрадью. Простодушные стихи

Владимир Аристов родился и живет в Москве. Автор стихов, эссе, статей, рассказов, романа «Предсказания очевидца» (ОГИ, 2004), пьесы «Театр одного философа (Прогресс-Плеяда, 2013). Публиковался в журналах «Студенческий меридиан», «Родник», «Юность», «Волга», «Комментарии», «Арион», «Воздух», «Новый мир», «Уральская новь», «Новый берег», «Окно», «Журнал поэтов», «НЛО», «Вопросы литературы», «Гвидеон» и др. Автор восьми поэтических книг. Стихи переводились на другие языки, входили в различные антологии. Лауреат литературных премий, в том числе им. Алексея Крученых (1993), им. Андрея Белого (2008). По основному образованию физик и математик (закончил МФТИ, доктор физ.-мат. наук). В теоретических работах пытается совмещать методы точных и гуманитарных наук. Рабо-

тает над сборником статей под названием «Idemforma», в котором новые понятия не только развивают поэтику метареализма, но и стремятся расширить методы на исследование явлений классической поэзии и прозы

О новой книге Владимира Аристова

В сборниках Владимира Аристова и раньше встречались сюжеты, определенные автором как «мгновенные встречи». Сегодня этот вид стихотворения, развившись, дал книгу – цельную, как цикл, разнообразную, как книга сказок.

С лирическим субъектом произошла метаморфоза: мы видим знакомое, но преобразившееся лицо. Прежде единственный хранитель вещей и явлений, аристовское лирическое «я» («ты») нашло себя рассеянным и отраженным во встреченном «ты» («он»). Дотронуться до чьей-то руки, доверить на мгновения свой взгляд глазам другого, из глубины его таинственной жизни взглянуть на себя. Так «я» умножилось многократно: «...двое нас, но я думаю много более».

Мир сам двинулся навстречу путешествующему, но не гулом, а россыпью маленьких отдельных историй. В персонажах Владимира Аристова словно проснулось зерно драматического действия, и вот рассказчик следует за ними, с ними, сам как они. Граница между автором и действующим лицом то ясна, то туманна, то сходит на нет. Так и витает над книгой образ театра: своя ли, чужая – все роли так или иначе присвоены повествователем. Подробности каждой взлелеяны его памятью, разыграны его сновидческим воображением.

С оранжевыми пластмассовыми часами
В оранжевой же майке
В каких-то простых очках
Растерянный ты мир собирал

Развитие поэтики Владимира Аристова непрерывно. И в новой книге не исчезли ее важнейшие черты. Так, аристовская метафора – вольная, ускользающая – осталась и здесь. Но она уведена на глубину, затворена. Тем важнее ее редкий выход, оттесняющий в сторону любой сюжет, – там, например, где речь идет о стихии воды и стихии смерти.

Осталась и музыка. Эта поэзия всегда искала неожиданных гармоний. Стихотворение строилось как динамическая конструкция из опор, противовесов, воздушных ходов. Как и прежде, основа стиха здесь – различные интонационно-ритмические фрагменты, сведенные в единое, слегка колеблющееся целое. Автор бережет рисунок носящейся в воздухе фразы, ее непринужденно-музыкальный оборот. Но то, что он из воздуха берет, ложится в стихотворный текст строго по законам партитуры. Вычислено оно или угадано, равновесие аристовского верлибра держится на чувстве музыки. И это его неотъемлемое свойство.

Автор оберегает хрупкий речевой строй, как тонкие стены, а вот стихия языка для него – область куда большей свободы. Лексическая ткань аристовских текстов всегда тонко-разноцветна, с узелками звуковых переключек, неожиданных стилистических смещений, словесной путаницы и игры.

Над всем царит и все объединяет голос рассказчика.

Стихи Владимира Аристова всегда обнаруживали родство с элегией Нового времени, соединившей лирическое и эпическое начала. Но в этой книге элегия порой приближается к отстраненной сюжетности баллады. И элегия, и баллада в основе своей музыкальны, – а здесь, соединяясь с современным верлибром, дарят его неровному течению меланхолический, старинный лад.

И еще одно явление смешанной поэтически-музыкальной природы близко строю этих стихотворений. Это Lied, жанр песни, сложившийся в Европе в XIX веке. В нем музыка близка стиху как нигде больше, «извлечена» из стиха и сохраняет его нюансы, его свободное дыхание. Lied часто повествовательна, как элегия и баллада, но более компактна и эмоционально

цельна. Она выводит на свет глубинное свойство лирического стихотворения: его линейно-циклическое время, его «возвращающееся» звучание.

«Простодушные стихи» Владимира Аристова обладают камерностью и лирической завершенностью Lied. Как бы ни был странен сюжет и прихотлив рассказ, из союза хаоса и космоса извлечено минутное музыкальное равновесие. Здесь преодолены эстетика фрагмента и эстетика чистой документальности, поскольку обе дают лишь линейность. А наш рассказчик, пусть и умалчивая об этом, в каждом сюжете ищет высокого смысла и оправдания. И, в каждом стихотворении, силу этого лирического порыва накапливает в себе последняя строка. Как бы тиха ни была, – она преображает текст и, возвращая нас к его началу, просит о перечтении.

В книге есть улыбка. Стихия аристовского юмора в чем-то наследница романтической иронии. Такому юмору легко в области языковой игры и детского сказочного абсурда, обновляющего смысл вещи, не дающего ему иссякнуть. Но теперь это тонкое вещество отчасти растворено в манере повествования. Здесь юмор – знание о мире, который чудом длится в тишине, между отчаяньем и смехом, готовый качнуться в любую сторону. Герой же в это время, в каком-то светлом недоумении, преодолевает терпеливо бытовые, роковые, самые нелепые обстоятельства: живет. Мы только следим за световым следом его речей и деяний.

Эта книга проста. Ее можно читать в метро, открыть на любой странице.

Она уводит от разговоров о технических возможностях верлибра – к простым и значительным действиям: чтению и сопереживанию. К ощущению связи – на глубине – музыки, речи и стиха, к пониманию играющей сложности их отношений. К раздумьям о том, «что такое сердце милующее» (Исаак Сирин).

Снегом, легким снегом учить всех
и себя в первую очередь
Переходя из образа в образ и непрерывно трудясь.

Марина Кузичева

«...но оказалось, что “Трансаэро” собак и кошек не берет на борт...»

...но оказалось, что «Трансаэро» собак и кошек не берет на борт
Не пронести кота как шапку под наркозом
Не запакуешь ведь, средь багажа не
затеряешь

Сидели с ним мы
вечером перед закатом
И лакомились теплым молоком
Раздумывая, кому бы поручить
судьбу свою

Но все же, его в карман не спрячешь, мой кот объемистый, хотя
и легкий

прошу его не есть последний день,
чтоб нашу участь облегчить...

2012

«После дождя на детской площадке...»

После дождя на детской площадке
нет никого
только сизых четыре голубя
гуляют примерно в одном направлении
пересекаю косо их путь и я

Солнце! Волшебное солнце!
нарисованное детской рукой
замешанное на этом мокром песке
шевелится, наверное, здесь под землей

2012

«из-под земли метро на “Юго-западной”...»

из-под земли метро на «Юго-западной»
ты вышел в вечер
в воздухе неповторимом
взглядом ты смешал
чернильный цвет суровый край стеклянных
зданий
и темную младую зелень
в высоте была видна «Звездочка – торговый центр»
два желтых хомута «Макдональдса»
и подлинная над ними звезда
теперь не сквозь очки, но очи
из 30-х годов
ты смотрел
недоуменным его зреньем
смотря на все это вечернее
замечая лишь детали
поскольку ты был рассеян во времени во всем

2012

«В остановившемся лифте...»

В остановившемся лифте
где панически моргающий свет
звук все прекратились
и свет стал тускл
взгляду не на чем остановиться
стены светлы
видел только двустворки белой
ничем не запятнанной двери,
без единого пятнышка или нацарапанной надписи
вспомнил почему-то надпись на белой колонне часовни
семьи Эрлангенов:
«Эрланген, помоги мне обрести
высокооплачиваемую работу»
полчаса скуки, но вот кому-то ты руку уже
пожал вовне

2012

«Цыган спустился с неба с парашютом...»

Цыган спустился с неба с парашютом
прыгнув в аварийный люк в аэротакси
на всякий случай ему сказали: «Прыгай»
когда еще летел, подумал «Зря»
ведь вертолет над ним спокойно улетел
всем тамбуром ему собирали средства
ему сказали:
«Важен первый опыт»
теперь вот на берегу рукотворного моря
чего-то ждет

мобильный остался в кабине
к нему прибилась белый пудель
такой же бездомный как и он
закутав колени в коричневый купол, у моря он ждет чего-то лицом

2012

«Залившись пьяными слезами...»

Залившись пьяными слезами
Ты слушал поэтов голоса
Тупая, как жизнь, сквозь
ладонь к тебе вошла
Патефонная игла
На той же ноте задержавшись
Все повторяла ты себя
И не тебя, и не себя любя
Соскакивая сквозь уха седину
не в память – в ямб
По-видимому, сапфировая игла
тебя вела
туда к повторному все голословнее
глоссолалическому голосованию

2012

Летящие камни

в слюдяное окошко
оно сминается но не бьется
но трещины прошли по лицу твоему

2012

Синее ведро с белой ручкой

Синее оно или голубое
 между ними
прозрачная вода неназываемая
 и в промежуток вошла смерть-эвфемизм

Голубовата она вода и назвать ее
тяжесть ее несравненную несметную
назвать и глубина ее имени
именно этой оставшейся нашим лицом воды

2012

Короткий разговор (текст, сочиненный ночью в четыре утра дня не помню)

Да будь я и негр...

В. Маяковский

Мир не без умных людей

Неизвестный автор

Сквозь темное стекло
я видел его черное неподвижное лицо

Этот запертый бар в городском аэропорту

Он был там охранитель покоя
негром его я бы так прямо так сразу не решился назвать
лишь афроамериканцем
иль кафро-африканцем, допустим

Лицо его без изъяна, лишь щербинка на темном стекле

Но створки он мне не открыл
Я просил отворить – что-нибудь жидкое выпить
пусть холоден кофе

Но он молчал
Это его лицо непонятно мне было
цветом и темнотой полуприкрытых век

Тут внезапно подошел человек
назвавшийся милиционером —

Я ему рассмеялся в лицо
Даже негр улыбнулся сквозь стекло
Мы мысленно сказали ему, что «мили» на «поли»
сменили дано
(секрет милишинели)

Он сказал мне, что я неправильно
припарковался
на той стороне Садовой

Мы с негром сказали «Очнись»,
какая Садовая, мы в аэропорту

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.